

Ветер прошелестел сквозь деревья, листья тихо зашуршали.

Нин Гуйчжу обмахивался веером и смотрел, как котёнок гоняется по двору за сухими бамбуковыми листьями, подхваченными ветром. Тут в ворота постучали, и внутрь заглянул Аньхэ.

— Дядюшка Нин.

— Заходи скорее.

Нин Гуйчжу перестал обмахиваться, поднялся и, взяв стул, направился в сторону. Но не успел пройти и пары шагов, как услышал, что голоса читающих детей стали заметно тише. Он медленно вернулся назад и пристально посмотрел на троих, которые уже пытались вытянуть шеи и выглянуть наружу.

— Нужно прилежно читать.

Трое детей:

— ...

Вытянутые шеи молча втянулись обратно.

Аньхэ вошёл вместе с бабушкой и с любопытством посмотрел в сторону спальни. В душе у него невольно зародилась тоска по учёбе. Однако вскоре он отвёл взгляд и, поддерживая бабушку, помог ей пройти в главный зал.

— Господин Нин, — поздоровалась старуха и, заметно волнуясь, села. — Насчёт этих цветов для волос... мы с Аньхэ уже решили...

— Не спешите говорить. — Нин Гуйчжу передал веер Аньхэ. — Помоги бабушке обмахиваться.

— Хорошо.

А Нин Гуйчжу направился на кухню.

Аньхэ взял веер, устроился на скамейке, поджав под себя одну ногу, и принялся старательно обмахивать бабушку. Старуха подняла руку, поправила ей выбившиеся волосы и тихо сказала:

— Бабушке не жарко, обмахивай лучше себя.

Рядом с бабушкой Аньхэ становился гораздо живее. Услышав это, он фыркнул и с нарочито взрослым видом заявил:

— Бабушка, я теперь уже большой ребёнок, мне жара нипочём!

Старуха не удержалась от улыбки.

Нин Гуйчжу вынес две чашки воды, передал им, затем сел рядом и мягко спросил:

— Бабушка, что вы думаете насчёт изготовления цветов для волос?

За то недолгое время, что она просидела здесь, волнение старухи уже немного улеглось.

— За эти годы я тоже кое-что скопила, чуть больше одного лян. Думаю... думаю, должно хватить.

Вчера, когда Аньхэ вернулся домой и рассказал ей об этом, старуха специально сходила к нескольким семьям в деревне, с которыми было проще общаться, и расспросила о плате за обучение. Так она узнала, что Нин Гуйчжу берёт её не сразу, а понемногу, уже после того, как ученики начинают зарабатывать. Давление от будущих расходов тут же стало гораздо меньше, и у старухи появилась надежда. Однако самой поднимать этот вопрос она не решалась, боясь, что Нин Гуйчжу подумает, будто они слишком уж пользуются его добротой.

К счастью, Нин Гуйчжу и сам когда-то жил в бедности, поэтому первым заговорил о плате за обучение, чтобы старуха не тревожилась:

— Отдадите, когда начнёте зарабатывать. Видов цветов для волос много, к тому же, чтобы они хорошо продавались, лучше почаще менять узоры. Давайте учиться постепенно и понемногу продавать по мере обучения, как вам?

— Хорошо, хорошо.

Ни старуха, ни Аньхэ в этом ничего не понимали, поэтому, естественно, собирались следовать тому, как распорядится Нин Гуйчжу.

С того самого момента, как он решил обучить их изготовлению цветов для волос, Нин Гуйчжу уже успел быстро выстроить в голове весь порядок действий. Теперь он спокойно продолжил:

— С покупкой ткани пока не спешите. У меня ещё остались полоски простой некрашеной ткани. В ближайшие несколько дней сначала научу вас с Аньхэ красить её, а уже потом пойдёте покупать ткань, и я покажу, как делать сами цветы.

По словам Сюн Цзиньчжоу, в эти дни уездный судья как раз распределял работу среди ткачей, окончивших ткацкую школу. Вероятно, совсем скоро самая простая некрашенная ткань начнёт поступать на рынок, и тогда бабушка с внуком смогут купить её дешевле. Нин Гуйчжу не стал скрывать от них и этого. Услышав, что на материалах можно будет немного сэкономить, старуха, конечно же, закивала и принялась снова и снова благодарить Нин Гуйчжу.

Когда обо всём договорились, он отпустил их домой. Травы для окрашивания ещё предстояло искать в горах, а это требовало немало времени. Повседневная жизнь Аньхэ и старухи по-прежнему в основном уходила на то, чтобы добывать пропитание: собирать достаточно дикорастущей зелени на каждый день, а часть ещё и сушить впрок к зиме. Поэтому было проще дождаться, когда Сюн Цзиньчжоу вернётся со службы, и уже тогда отправиться в горы вместе с ними.

Проводив обоих, Нин Гуйчжу вернулся в спальню и продолжил привычный урок. Теперь, когда ему больше не приходилось то и дело отвлекаться на другие дела, а трое детей в целом занимались довольно усердно, ритм жизни Нин Гуйчжу сразу стал куда спокойнее и неторопливее.

Ближе к полудню Нин Гуйчжу постучал пальцами по стоявшей на столе бамбуковой решётке.

— Всё, передохните немного. Сегодня приготовлю вам кое-что новенькое.

— Ура-а! — трое детей тут же отложили всё из рук. — Учитель самый лучший!

— Льстить вы, смотрю, научились отлично.

Нин Гуйчжу поднялся и, засучивая рукава, сказал:

— Сходите в передний дом и скажите родителям, чтобы на обед приготовили поменьше. Когда я закончу, отправлю им немного попробовать.

— Хорошо!

Трое детей словно боялись, что, если замешкаются, не успеют выполнить поручение, поэтому один за другим выбежали со двора и помчались к переднему дому.

Нин Гуйчжу вошёл на кухню и приподнял лежавшую на столе грубую ткань. Под ней стоял крахмал, вымытый из теста. К этому времени он уже почти полностью осел. Нин Гуйчжу отправился на задний двор, нарвал нежной зелени, долго смотрел на совсем ещё маленькие огурчики рядом и в конце концов всё-таки не удержался: сорвал три штуки, прихватил острый перец, зелёный лук, выдернул головку чеснока и вернулся на кухню.

Помыл овощи, нарезал и снова закрутился в делах.

— Учитель!

Дети, растягивая голоса, вбежали во двор, а оттуда прямо на кухню. Они поставили принесённые чашки и по очереди торжественно объявили:

— Тофу!

— Фучжу!

— Прессованный тофу!

А затем хором добавили:

— Мама велела принести...

Нин Гуйчжу:

— ...

Почему-то ему вдруг захотелось рассмеяться. Он поднял руку и по очереди погладил детей по головам.

— Спасибо вам. А теперь идите играть. Когда всё будет готово, учитель вас позовёт.

— Хорошо, учитель! До свидания, учитель!

Посмотрев на три принесённых продукта, Нин Гуйчжу немного подумал, сложил листы фучжу друг на друга, нарезал их тонкой соломкой и положил в чашку. Когда все необходимые добавки были подготовлены, он налил в железный вок половину воды и поставил нагреваться, а сам достал из дома неглубокие глиняные тарелки. Всего таких глиняных предметов посуды было десять - после того как дом отстроили, родители добавили их к хозяйству. Сюн Цзиньчжоу считал глиняную посуду слишком хрупкой и боялся, что со своей силой ненароком её разобьёт, поэтому попросту убрал всё в погреб. Утром Нин Гуйчжу лишь пару раз упомянул, что собирается приготовить лянпи, и Сюн Цзиньчжоу тут же полез вниз искать эти тарелки.

Стоило вспомнить его полный ожидания вид, как Нин Гуйчжу невольно улыбнулся.

Он осторожно слил верхний слой прозрачной воды с осевшего в тазу крахмала, добавил нужное количество соли и тщательно размешал половником. Затем поставил перед собой в ряд три глиняные тарелки, капнул в каждую по несколько капель растительного масла и ладонью равномерно распределил его по поверхности.

Вода в воке уже закипела. Нин Гуйчжу поставил сверху решётку для готовки на пару, зачерпнул крахмальную массу в тарелки, слегка покрутил их, равномерно распределяя смесь по дну, затем поставил все три на решётку, накрыл крышкой и оставил пропариваться.

Нин Гуйчжу мысленно отсчитывал время и один раз приподнял крышку, чтобы проверить готовность. Готовить сразу три порции тонких крахмальных пластов оказалось довольно быстро. Пропарив их дважды и точно определив, сколько на это уходит времени, Нин Гуйчжу разжёг очаг рядом.

В воке он разогрел масло, обжарил до аромата ломтики чеснока и острый перец, переложил их отдельно, затем высыпал нарезанные полоски тофу, добавил приправы, обжарил до готовности и тоже отставил в сторону. Подняв крышку, Нин Гуйчжу осторожно снял готовые лянпи, быстро окунул их в холодную воду и вынул. Затем снова налил в глиняные тарелки свежую крахмальную массу, распределил её по дну и вернул тарелки на паровую решётку. Так было хлопотнее, но глина всё-таки не нержавеющей сталь: если раз за разом опускать только что снятые с пара раскалённые глиняные тарелки в ледяную колодезную воду, они могли треснуть. Если сравнивать с этим, лишняя возня уже вовсе не казалась такой уж обременительной.

Пока лянпи продолжали готовиться, Нин Гуйчжу нарезал клейковину полосками, разложил её на решётке и тоже приготовил на пару.

За хлопотами время пролетело незаметно. Набегавшиеся до пота дети вбежали в главный зал. Сюн Чуаньшуй первым вскарабкался на скамейку, подтянул к себе стоявший посреди стола кувшин с водой, зачерпнул из него три чашки, задвинул кувшин обратно и слез. Затем вместе со старшим братом и младшей сестрой присел на корточки и принялся пить.

Напившись прохладного настоя из листьев, они отнесли чашки к колодцу, ополоснули их в тазу с водой, а потом снова побежали в главный зал ставить посуду на место.

Туда-сюда - и у них тоже дел хватало.

— Цзиньбо, приводи брата и сестру! Можно обедать!

— Хорошо-о...

Из главного зала донёсся детский ответ, а следом топот трёх совершенно неслаженных пар ног.

Нин Гуйчжу разложил по чашкам подготовленные добавки, и лишь в одну положил совсем немного измельчённого острого перца, после чего добавил соевый соус и выдержанный уксус и всё тщательно перемешал.

— Учитель! Мы пришли!

Трое детей вбежали на кухню и, ухватившись за край стола, с ожиданием уставились на чашки в руках Нин Гуйчжу.

— Эта порция Чуаньшуя, в ней немного перца. Берите свои чашки и идите есть во двор. На кухне слишком жарко.

— Хорошо, спасибо, учитель!

Дети убежали, а Нин Гуйчжу приготовил порцию лянпи уже для себя, перемешал их со всеми добавками и, не в силах больше терпеть, с удовольствием втянул в рот первую длинную полоску.

В свою порцию лянпи Нин Гуйчжу положил побольше острого перца. Кислое, острое, солоноватое и ароматное сочеталось с упругими и мягкими полосками лянпи, отчего блюдо особенно хорошо разжигало аппетит. Тут были и полоски тофу, и нарезанная клейковина, и хрустящая молодая соломка из огурца, и ошпаренная нежная зелень. Получалось так, что в чашке лянпи было едва ли не столько же, сколько всевозможных добавок, и от одного этого внутри рождалось глубокое чувство удовлетворения.

Поев немного, Нин Гуйчжу отложил свою чашку, достал ещё две и разложил в них отдельно лянпи и добавки, после чего убрал в шкаф, чтобы вечером Сюн Цзиньчжоу мог поесть, когда вернётся.

В это время приоткрытые ворота во двор толкнули снаружи. Сюн Цзиньпин, пришедший как раз к нужному часу, окинул взглядом дом и, увидев лишь своих детей, которые сидели в главном зале и ели, спросил:

— А где ваш учитель?

Сюн Иньинь подняла маленькую руку и указала в сторону кухни. Сюн Цзиньпин посмотрел на троих, которые ели, даже не поднимая голов, и беспомощно покачал головой. Подойдя к кухонному окну, он позвал:

— Чжу-гер, я пришёл за лянпи.

— Старший брат, ты пришёл! — Нин Гуйчжу приятно удивился. — А я как раз собирался отнести вам. Всё, что на столе, для вас.

— Жара такая, незачем тебе лишний раз ходить, — объяснил Сюн Цзиньпин, а затем посмотрел на приготовленное. — Так много? Для Цзиньчжоу оставил?

— Оставил.

Нин Гуйчжу принёс корзину и сказал:

— Когда донесёшь домой, просто смешайте овощи с лянпи и можно есть. Соевый соус, выдержанный уксус и острый перец добавляйте по вкусу.

Сюн Цзиньпин кивнул, показывая, что запомнил. Вместе с Нин Гуйчжу он поставил стоявшие на столе чашки в корзину, после чего взял её и ушёл. Нин Гуйчжу прихватил свою чашку лянпи, выбрался из душной кухни и уселся в главном зале, неторопливо наслаждаясь едой.

Обед закончился.

Нин Гуйчжу прибрал кухню, позвал детей, которые играли в леске сбоку от дома, вымыл им руки и лица, а потом по одному усадил на бамбуковую кровать в главном зале.

— Сами снимайте обувь и спокойно ложитесь спать.

— Учитель, а ты где будешь спать? — Сюн Иньинь лежала на животе на бамбуковой кровати, распахнув большие сияющие глаза. По ней совсем не было видно, что хочется спать.

Услышав её, Сюн Чуаньшуй и Сюн Цзиньбо тоже придвинулись ближе.

— Учитель, ложись с нами? Нам совсем немножко места нужно, а учитель такой худой, точно поместится.

Когда Нин Гуйчжу делал эту бамбуковую кровать, то ориентировался примерно на размеры односпальной. Если немного потесниться, на ней даже они с Сюн Цзиньчжоу могли бы улечься вдвоём.

Теперь, услышав приглашение троих детей, Нин Гуйчжу продолжил обмахиваться веером и ответил:

— Нет. Учитель не хочет спать, я собираюсь немного пошить.

В древности не было телефонов, по вечерам после наступления темноты заняться было особенно нечем, а после ежедневной работы тело уставало так, что спалось прекрасно. Сегодня же утром Нин Гуйчжу почти ничего не делал, поэтому сна у него не было ни в одном глазу.

Но дети не поверили. Они принялись липнуть к Нин Гуйчжу, ласково канючить и уговаривать его лечь вместе с ними на дневной сон.

Замученный их приставаниями, Нин Гуйчжу в конце концов сдался:

— Ладно, ладно. Вы сначала ложитесь как следует, а я посплю вместе с вами, хорошо?

Получив от него утвердительный ответ, трое детей завозились на бамбуковой кровати и улеглись по краям, оставив Нин Гуйчжу место посередине.

Нин Гуйчжу:

— ...

Раз уж дети так усердно его приглашали, Нин Гуйчжу снял обувь и лёг между ними, а потом придвинул троих, прижавшихся к самым краям, поближе к себе.

— Всё, спите.

Сюн Иньинь одна заняла целую сторону, прижалась к Нин Гуйчжу, тихонько зевнула и, закрыв глаза, вскоре уснула. Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй соприкасались головами и ещё некоторое время возились, пока Нин Гуйчжу не поторопил их, после чего наконец тоже закрыли глаза.

Веер мягко двигался из стороны в сторону, и создаваемый им лёгкий ветерок смешивался с летним воздухом, принося прохладу одному взрослому и троем детям, уснувшим рядом.

Когда Сюн Цзиньпин принёс обратно корзину с вымытыми чашками и палочками, перед его глазами предстала именно эта картина. Веер с каждым движением понемногу терял опору, рука опускалась всё ниже, а светлая ладонь Нин Гуйчжу мягко лежала на ребёнке и время от времени сонно похлопывала его.

Сюн Цзиньпин тут же смягчил шаги, через окно поставил принесённое на кухонный стол и быстро покинул двор. Две собаки, спавшие прямо в главном зале, зевнули; их покачивавшиеся хвосты постепенно замерли, они положили подбородки на передние лапы и снова уснули.

.

Дневной сон неожиданно оказался особенно крепким. Трое детей один за другим проснулись и начали вполголоса переговариваться через лежавшего между ними Нин Гуйчжу. Тихое шуршание вскоре разбудило и его. Он зевнул, взял веер и несколько раз с силой обмахнулся, лениво спросив:

— Вам троем совсем не жарко?

— Нормально.

— Немножко.

— Да не очень-то и жарко!

Брат с сёстрами ответили кто во что горазд. Нин Гуйчжу ещё немного пообмахивался, прогоняя жар и духоту после сна, затем поднялся вместе с детьми, умыл лицо ледяной колодезной водой, окончательно проснулся и без лишних проволочек начал урок.

Когда Сюн Цзиньчжоу открыл дверь дома, трое детей уже успели закончить занятия и уйти. В главном зале сидел лишь Нин Гуйчжу, сосредоточенно перебирая в руках полоски ткани.

Увидев его серьёзное выражение лица, Сюн Цзиньчжоу невольно ступил тише, подошёл ближе и вдруг наклонился к нему:

— Чжу-гер.

Нин Гуйчжу вздрогнул от неожиданности и инстинктивно отклонился назад, но, разглядев, кто перед ним, тут же расслабился.

— Ты весь в поту. Я принесу тебе воды.

— Не спеши.

Сюн Цзиньчжоу удержал его, а затем вынул из-за спины руку и с улыбкой сказал:

— Это тебе.

На его ладони лежал деревянный гребень с вырезанным узором из бамбука. В большой руке Сюн Цзиньчжоу он казался особенно изящным и маленьким. Нин Гуйчжу взял его, внимательно осмотрел и с улыбкой спросил:

— С чего это тебе вдруг захотелось купить мне гребень?

— Жарко. Волосы трудно укладывать, а если они мешают, у тебя сразу портится настроение.

Нин Гуйчжу удивлённо поднял глаза.

Увидев это выражение, Сюн Цзиньчжоу беспомощно рассмеялся:

— Ты показываешь всё настолько явно, как я мог не заметить?

— ...

Нин Гуйчжу пробормотал:

— Вроде бы не так уж заметно.

Он всегда умел хорошо владеть своими эмоциями, так что раздражение из-за такой мелочи просто не могло проявиться наружу.

Сюн Цзиньчжоу слегка ущипнул его и с улыбкой сказал:

— Ты забыл, чем я занимаюсь?

Если подумать, в этом действительно был смысл.

Не желая больше заикливаться на этом, Нин Гуйчжу покачал гребнем в руке и с улыбкой сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Мне очень нравится, спасибо.

— Главное, что нравится.

Гребень бережно убрали в угол корзинки для рукоделия. Нин Гуйчжу положил полоски ткани на стол, потянул Сюн Цзиньчжоу в сторону кухни и спросил:

— Я оставил тебе лянпи. Хочешь сейчас поесть?

— А ты ел?

— Конечно, ел, — ответил Нин Гуйчжу. — Я ещё сделал побольше, чтобы отец с матерью тоже попробовали.

Сюн Цзиньчжоу задумчиво протянул:

— М-м, — а потом сказал: — Поешь со мной, хорошо? Ужин можно перенести на попозже, тогда и прохладнее будет.

Нин Гуйчжу немного подумал и легко согласился:

— Хорошо.

Оставшихся лянпи и добавок было немало. Нин Гуйчжу достал из шкафа большую чашку, но, едва обернулся, Сюн Цзиньчжоу уже забрал её у него. Увидев, что тот принялся смешивать лянпи, Нин Гуйчжу заодно поставил рядом соевый соус и выдержанный уксус.

— Перца хочешь?

— Немного положи.

Услышав это, Нин Гуйчжу взял баночку с молотым перцем, подошёл к Сюн Цзиньчжоу и сказал:

— Масла дома осталось мало. Нужно присмотреть, где купить свиного нутряного жира. Тогда заодно сделаю немного острого масла - с ним всё будет ещё ароматнее.

Сюн Цзиньчжоу прикинул время и ответил:

— Мясник будет резать свинью только через несколько дней. Завтра зайду к нему и скажу: если никто ещё не заказал жир, пусть оставит нам.

— Это уж решай сам.

Перемешав лянпи, они использовали чашки, в которых прежде лежали сами лянпи и добавки, как маленькие тарелки, уселись друг напротив друга и вместе доели большую чашку кислострых, освежающих в жару лянпи.

После еды делать было особенно нечего. Они чуть сдвинули бамбуковую кровать вглубь главного зала, Нин Гуйчжу забрался на неё, сел скрестив ноги, взял иголку, нитки и ткань и неспешно продолжил незаконченный шов. Сюн Цзиньчжоу лёг рядом и обмахивался веером, так что лёгкий ветерок поочерёдно касался их обоих.

Когда солнце начало клониться к западу и жара понемногу пошла на убыль, у ворот двора показался Аньхэ с корзиной за спиной, осторожно заглядывая внутрь. Увидев его, Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу поднялись, взяли нужные вещи и вместе с Аньхэ отправились в горы.

Трав и листьев, пригодных для окрашивания, существовало немало, но цветов, трав и деревьев в горах было ещё больше, поэтому отыскать нужное среди всего этого оказалось довольно хлопотно.

Аньхэ и Сюн Цзиньчжоу даже не знали, как выглядит то, что им нужно искать. Поначалу, шагая по лесу, они ещё следили за Нин Гуйчжу, но очень скоро отвлеклись: один побежал выкапывать дикорастущую зелень, а второй уставился на птицу, не сводя с неё глаз.

— Нашёл!

Наконец добравшись до нужного растения, Нин Гуйчжу с облегчением выдохнул. Услышав его, Сюн Цзиньчжоу и Аньхэ тут же подошли ближе и посмотрели на то, что он держал в руках. На вид это была самая обычная трава: довольно толстый стебель, листья немного напоминали бамбуковые, а среди них кое-где виднелись мелкие бледно-жёлтые цветки.

— Вот это нужно? — спросил Сюн Цзиньчжоу, уже протягивая руку.

Нин Гуйчжу поспешно остановил его:

— Нет, нужны корни в земле.

Сюн Цзиньчжоу замер, а Аньхэ сразу подал ему мотыгу:

— Батоу, держите.

Корни марены уходили довольно глубоко, да и в земле было много камней, поэтому выкапывать её оказалось непросто. Сюн Цзиньчжоу пришлось повозиться, прежде чем он наконец выкопал тот небольшой участок марены, который нашёл Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу подвёл Аньхэ ближе и стал учить его отличать корни марены от корней других трав. Сюн Цзиньчжоу послушал краем уха, быстро потерял интерес и отвёл взгляд, но тут боковым зрением заметил, как впереди сбоку что-то мелькнуло в траве.

Стебли качнулись совсем немного - либо кролик, либо фазан.

Сюн Цзиньчжоу слегка похлопал Нин Гуйчжу по плечу и указал в ту сторону. Убедившись, что тот понял, куда он идёт, взял тесак и бесшумно направился туда.

Нин Гуйчжу проследил за ним взглядом, а затем снова посмотрел на Аньхэ, который выбирал из земли корни марены, и сказал:

— Корень марены тоже лекарственное сырьё. Если найдёшь много, можешь отнести в аптечную лавку в уездном городе и спросить, возьмут ли.

Обычные люди не умели правильно обрабатывать лекарственные травы, но аптечные лавки

принимали и только что выкопанное сырьё. Цена, конечно, была ниже, однако для Аньхэ и его бабушки это всё равно означало дополнительный заработок.

Глаза Аньхэ засверкали. Он с восхищением посмотрел на Нин Гуйчжу, энергично кивнул и радостно сказал:

— Спасибо, дядюшка!

А потом ещё раз изложил ему свою задумку:

— Сначала я накопаю немного корней марены и высушу дома. Когда их станет много, всё, что выкопаю потом, буду носить в уездный город и искать аптечную лавку.

Просто и без всяких лишних сложностей.

Нин Гуйчжу слегка пригладил его пушистые волосы:

— Да, именно так.

Они ещё разговаривали, когда со стороны, куда ушёл Сюн Цзиньчжоу, вдруг послышался целый ряд шорохов в траве. Оба одновременно подняли головы.

Сюн Цзиньчжоу выбрался из зарослей, на одежде у него прибавилось грязных пятен, а в руках он держал двух серых кроликов. Встретившись с ними взглядами, он самодовольно приподнял бровь, поднял добычу повыше и слегка встряхнул:

— Смотрите, парочка!

Глядя, как он хвастается, Нин Гуйчжу невольно улыбнулся, но, вспомнив, что рядом ребёнок, быстро сдержал улыбку и напомнил:

— Смотри под ноги.

— Не переживай, не упаду.

Сюн Цзиньчжоу с кроликами в руках в несколько шагов оказался рядом с Нин Гуйчжу и сказал:

— Чжу-гер, свей две травяные верёвки и свяжи их. Я потом ещё схожу пошарю у норы, должно быть, удастся добыть несколько крольчат.

— Хорошо, сейчас.

Нин Гуйчжу тут же нарвал травы, скрутил из неё верёвки и связал кроликов. Сюн Цзиньчжоу снова нырнул в заросли - искать крольчат.

Аньхэ собирал корни марены и всё же не удержался, пару раз с любопытством поглядывая туда. Нин Гуйчжу и сам рассеянно смотрел на кроликов в бамбуковой корзине. Эти зверьки славились своей плодовитостью, так что разводить их было вполне подходящим делом, вот только приручение диких кроликов потребует времени.

Но если получится...

Он взглянул на ребёнка рядом. Разведение кроликов принесло бы куда больше денег, чем продажа цветов для волос, да и беспокоиться о том, что товар не удастся сбыть, не пришлось бы.

Сюн Цзиньчжоу вскоре вернулся, держа пять крольчат. Увидев, как Нин Гуйчжу смотрит на кроликов, он неправильно понял его и спросил:

— Нравятся? Тогда есть не будем.

— ...

Нин Гуйчжу рассмеялся, поднялся, наклонился к уху Сюн Цзиньчжоу и тихо рассказал о своей задумке.

Сюн Цзиньчжоу потёр подбородок. Звучало вполне неплохо, поэтому он сказал:

— Тогда попробуем. Получится - отлично, не получится - съедим.

В любом случае никаких вложений не требовалось.

Нин Гуйчжу казалось, что он ещё ни разу не слышал от этого человека отрицательного ответа. Смешливо и беспомощно покачав головой, он связал пятерых крольчат и положил их в бамбуковую корзину, чтобы вся семья снова оказалась вместе.

Собрав все выкопанные корни марены, они затем нарвали немного полыни. Пока бродили по горам, им попала и софора, но она ещё не цвела. Запомнив место, они ещё некоторое время продолжили поиски. Солнце уже скрылось за горизонтом, и в лесу быстро сгущались сумерки. Три человека выбрались из чащи.

<http://bllate.org/book/14958/2104703>